

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 4. С. 225–234
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2025;(4):225–234

Научная статья
УДК 316.334.3·4+323.2·325.14
EDN MUOQIO

Диаспоры в системе политических институтов России: функциональный анализ

Виктория Георгиевна Громакова¹, Дюжиков Сергей Александрович²

^{1, 2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹victoriagromakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5734-1023>

²duzhikov@sedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2016-0613>

Аннотация

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена ростом численности и политической активности диаспор в России, что усиливает их влияние на жизнь принимающего сообщества и превращает их в значимый фактор национальной безопасности.

Цель. Проведение функционального анализа диаспор в качестве одного из социальных институтов современной России.

Методы. Теоретико-методологическую основу исследования составила концепция неоинституционализма, на основе которой выстроен авторский подход к исследованию, позволяющий дифференцировать признаки диаспор как социальных институтов и как организаций. В процессе изучения социальных институтов диаспор и российской политической системы использованы методы теоретического анализа, обобщения и систематизации данных.

Результаты. В статье представлен анализ и авторская критика нормативно-правовой базы, определяющей взаимодействие государства и диаспор, в обобщенном и систематизированном виде представлены данные научной литературы относительно политических целей диаспор и распространенных среди них представителей социально-политических практик. В качестве аргументов в подтверждение актуальности выделенных тенденций приводятся фактологические материалы из интернет-источников: отчетов МВД и новостных каналов.

Выводы. Установлено, что институты диаспор демонстрируют серьезные дисфункции, включая поддержку антиинтеграционных установок, лоббирование интересов стран исхода и этнических групп в ущерб коренному населению, а также распространение этнической конфликтности и преступности. Обосновывается мнение о том, что в основе распространения институциональных дисфункций лежит парадоксальный политический статус диаспор, которые, обладая широкими правами, долгое время оставались практически неподотчетными и неподконтрольными принимающему государству. Решение видится в совершенствовании правовых механизмов контроля и ответственности диаспор для пресечения деструктивных практик и обеспечения интересов российского государства и общества.

Ключевые слова: диаспоры, социальные институты, социальная организация, социальная практика, система политических институтов, функции и дисфункции политических институтов, национальная безопасность, государственный контроль

Для цитирования: Громакова В. Г., Дюжиков С. А. Диаспоры в системе политических институтов России: функциональный анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 4. С. 225–234. EDN MUOQIO

Original article

Diasporas in the system of political institutions of Russia: a functional analysis

Victoria G. Gromakova¹, Sergey A. Duzhikov²^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia¹victoriagromakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5734-1023>²duzhikov@sedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2016-0613>

Abstract

Introduction. The relevance of this study is driven by the growing size and political activity of diasporas in Russia, which amplifies their impact on the host society and establishes them as a significant factor in national security.

Purpose. To conduct a functional analysis of diasporas as one of the social institutions in contemporary Russia.

Methods. The theoretical and methodological framework of the study is based on the concept of neo-institutionalism. This foundation informed the development of the author's original approach, which allows for differentiating the characteristics of diasporas as social institutions and as organizations. The research on the social institutions of diasporas and the Russian political system employed methods of theoretical analysis, generalization, and data systematization.

Results. The article provides an analysis and an author's critique of the regulatory framework governing state-diaspora interactions. It also summarizes and systematizes data from academic literature concerning the political objectives of diasporas and the socio-political practices prevalent among their members. Factual evidence from online sources, including reports from the Ministry of Internal Affairs and news channels, is presented to support the relevance of the identified trends.

Conclusions. The study establishes that diaspora institutions exhibit significant dysfunctions. These include the promotion of anti-integrationist attitudes, lobbying for the interests of their countries of origin and specific ethnic groups to the detriment of the indigenous population, as well as the propagation of ethnic conflict and criminality. The article substantiates the view that the proliferation of these institutional dysfunctions is rooted in the paradoxical political status of diasporas. Despite possessing extensive rights, they have long remained largely unaccountable and beyond the effective control of the host state. The proposed solution involves improving legal mechanisms for the oversight and accountability of diasporas to curb destructive practices and safeguard the interests of the Russian state and society.

Keywords: diasporas, social institutions, social organization, social practices, system of political institutions, functions and dysfunctions of political institutions, national security, state control

For citation: Gromakova V. G., Duzhikov S. A. *Diasporas in the system of political institutions of Russia: a functional analysis. State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2025;(4):225–234. (In Russ.). EDN MUOQIO

Введение

Положение и роль диаспор периодически привлекают внимание исследователей, причем с течением времени интерес к ним только возрастает, что связано с увеличением численности и активности представителей данных сообществ [1].

Наблюдаемые тенденции в свою очередь обусловлены рядом факторов. В их числе миграционные процессы, интенсивность которых возрастает на глобальном уровне и в значительной степени затрагивает Россию [2]. Так согласно заявлению заместителя председателя Совета Безопасности России Дмитрия Медведева, сделанному в начале 2022 г., численность крупных диаспор в стране на тот момент составляла от 1 до 5 млн чел.¹

Вместе с тем с конца XX века отмечается увеличение количества и остроты конфликтов на этнической почве [3], что связано с чередой геополитических потрясений, последовавших за крахом социалистического блока и сопровождающих глобальное переустройство мира, которое продолжается и по сей день.

¹ Медведев оценил численность крупнейших мигрантских диаспор / РИА Новости. 11.02.2022.

URL: <https://ria.ru/20220211/diaspora-1772277988.html> (дата обращения: 02.10.2025 г.)

В результате обозначенных событий изменился статус и условия жизни многих этнических групп, что послужило предпосылкой к обострению чувства этнического самосознания и увеличению активности диаспор [4]. В результате их деятельность стала существенным аспектом социальных отношений, включая экономическую, культурную и политическую составляющую. Данные тенденции заметны на всех уровнях жизни общества от бытового до общегосударственного и без преувеличения могут считаться одним из факторов национальной безопасности. Вышесказанное определило наш интерес к данной сфере.

В том, что касается сущности **объекта** исследования, мы придерживаемся определения, предложенного Ж. Т. Тощенко: «диаспора – это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной национальной общности» [4; 5].

Причем особого внимания заслуживает такое качество диаспоры, как стремление к сохранению национальной самобытности, отвергающее возможность ассимиляции. Не менее важным является и также отмечаемый исследователями факт, что реализация имеющегося стимула к самосохранению возможна только через самоорганизацию [4] и активное воспроизведение таких признаков этническости, как язык и культура [3]. Таким образом, диаспоры имеют качества не только социальных общностей, но и социальных организаций и институтов.

Принимая во внимание отмечаемые многими исследователями тенденции превращения экономического и социального капитала диаспор в политический [6], реализация которого предполагает изменение формальных и неформальных норм, **предметом** нашего исследования стали институциональные признаки диаспор с точки зрения их места в системе политических институтов страны.

Совокупность вышезложенных фактов определила **цель** настоящего исследования - провести функциональный анализ социальных институтов диаспор с точки зрения их места в системе политических институтов современной России.

Теоретико-методологические основы исследования

Логика исследования, представленного в настоящей статье, строится в рамках неоинституциональной парадигмы. Соответственно, социальные институты мы, согласно Д. Норту [7], рассматриваем как «правила игры в обществе», то есть совокупности социальных норм, правил, а также моделей социального поведения и форм социальных отношений, принятых и устойчиво воспроизводимых в определенной сфере жизни общества. Это позволяет отличать социальные институты от социальных организаций, под которыми подразумеваются реальные объединения людей, создаваемые для достижения конкретной цели и наделенные изначально определенной инструментальной функцией.

Исходя из понимания того, что формы социального поведения и взаимодействия формируются, воспроизводятся и поддерживаются благодаря деятельности социальных организаций, которые в свою очередь функционируют в соответствии с существующими институциональными нормами, мы признаем тесную связь данных форм социальной структуры. Соответственно, в последующем обсуждении неизбежно будут затрагиваться не только институциональные, но и организационные признаки диаспор, в связи с чем во избежание понятийной дисперсии, представляется целесообразным изначально определить перечень признаков, характеризующих собственно социальные институты.

К таковым, по нашему мнению, следует относить:

- всевозможные регуляторы взаимодействия людей в соответствующей сфере жизни: ценности, формальные и неформальные нормы, идеологизированные нарративы,
- сформированные на основе гласных и негласных правил устойчивые модели поведения и их комплексы, соответствующие определенным статусам – социальные роли,
- реализуемые, благодаря функционированию институциональных норм и правил, функции.

Здесь стоит отметить, что если совокупность норм и правил составляет сущность социального института, то наличие специфических функций является базовым и необходимым условием его существования, поскольку будучи по сути абстрактной моделью социальных отношений, усваиваемой в процессе социализации и социальной адаптации, социальный институт получает материальное воплощение в реальных социальных практиках, осуществляемых по мере возникновения потребностей, удовлетворению которых способствуют институциональные регуляторы. В удовлетворении потребностей, собственно, и заключаются функции социальных институтов. Если соответствующие

потребности теряют актуальность или институциональные нормы больше не обеспечивают их удовлетворение, социальный институт разрушается или трансформируется. При этом справедливо и обратное утверждение, если социальный институт сохраняется, значит существуют и выполняемые им функции: явные или латентные. Поэтому наш анализ в первую очередь сосредоточен именно на функциях института диаспоры, через призму которых рассмотрены правовые и социокультурные регуляторы, определяющие формы социальной активности диаспорных сообществ и их представителей.

Представляется важным также пояснить, что, поскольку политические (властные) отношения являются разновидностью социальных отношений, мы считаем правомерным рассматривать политические институты как вид социальных институтов, трактуемых в широком смысле и объединяющих наряду с политическими экономические, культурные и собственно социальные институты в узком смысле. При этом в качестве отличительных признаков нами принимаются главные функции перечисленных институтов. Так социальными институтами в узком смысле этого слова, на наш взгляд, можно считать те, которые регулируют отношения в первичных социальных группах и квазигруппах и возникают, в первую очередь, на почве стремления к межличностному общению как самоценности, а не к власти, экономической выгоде или трансляции культурных образов. Соответственно, к (социально)политическим институтам мы относим формальные и неформальные (в том числе нелегальные) регуляторы, действующие в сфере отношений, возникающих с целью получения, перераспределения, удержания и реализации власти.

Исследование функций социальных институтов, а также составляющих их ценностей, норм, правил, моделей поведения, проводилось с использованием **методов** теоретического анализа, обобщения и систематизации данных научной литературы, нормативно-правовой базы и интернет-источников.

Результаты и обсуждение

Поскольку политические институты диаспоры существуют не в вакууме, а встроены в политическую систему российского общества, прежде всего обратимся к нормативно-правовому базису, определяющему их нишу в правовом поле нашей страны.

Несмотря на то, что термин «диаспора» не фигурирует в российских законах, возможность их легализации обеспечена правом на объединение, которое гарантировано статьей 30 Конституции РФ. Любая диаспорная организация, провозглашенные цели которой не противоречат законам Российской Федерации, имеет возможность легализоваться, получив статус некоммерческой организации и автоматически – юридического лица. Более того существует федеральный закон № 74-ФЗ от 17 июня 1996 г., предоставляющий диаспорным объединениям возможность получить статус национально-культурной автономии, предусматривающий право на государственную поддержку. При этом в тексте закона прописаны цели, которые должны быть положены в основу деятельности национально-культурных автономий и, очевидно, отражают ожидания государства (как центрального компонента политической системы) относительно функций диаспор как социально-политических институтов. Ввиду важности данного вопроса с точки зрения нашего исследования приведем цитату из закона № 74-ФЗ: «национально-культурная автономия – это ... объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, ... на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов».

Из приведенной выдержки можно с некоторой долей условности выделить три блока функций:

- функции, связанные с потребностями самой диаспоры: «сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры»;
- функции, отвечающие интересам принимающего государства и коренного населения: «укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу»;
- функции, связанные с социокультурной адаптацией и интеграцией мигрантов, снижающие трансакционные издержки и в равной степени удовлетворяющие интересам как принимающего государства, так и представителей диаспоры.

Далее рассмотрим, насколько эффективно диаспоры выполняют предписываемые им функции и как это связано с действующими в данной сфере регуляторами, иными словами, с состоянием внутридиаспорных социально-политических институтов.

Согласно результатам исследований последних лет, деятельность диаспор в России сфокусирована на поддержании этнонациональной идентичности, сохранении традиций и обычаев своего народа [1], и в ряде случаев – на обеспечении членам диаспоры возможности получать всю необходимую информацию на родном языке (о чем свидетельствует контент используемых диаспорами интернет-ресурсов). Другими словами, вместо того чтобы способствовать скорейшей интеграции вновь прибывших в социокультурную и языковую среду страны пребывания, диаспоры создают условия, позволяющие мигрантам относительно комфортно себя чувствовать на территории России без знания русского языка, а также российских обычаев и традиций, формируя замкнутые этнические анклавы. Таким образом мигрант оказывается избавлен от необходимости участвовать в культурном обмене, вместе с чем значимо возрастает риск его маргинализации [3], следствием которой становится рост издережек, неизбежно возникающих при попытках активной деятельности в российской социокультурной среде. Отмечая наличие отрицательной корреляционной связи между значимостью внутригрупповых связей мигрантов и их культурной интеграцией в принимающем сообществе, некоторые авторы прямо указывали на антиинтеграционные установки, существующие во многих диаспорах [8].

Другие исследователи предлагали дифференцировать различные национальные объединения на конструктивные (это преимущественно старые диаспоры: греки, корейцы, армяне) и деструктивные, способствующие возникновению межнациональной розни и конфликтов [9]. Причем также отмечалась положительная связь между степенью замкнутости этнических групп и риском возникновения конфликтов, подчеркивалась значимость внешних контактов для успешной адаптации мигрантов, поскольку, как справедливо утверждали авторы, взаимообогащение культур возможно только при условии обоюдной направленности этого процесса. Соответственно, для конструктивного взаимодействия необходимо, чтобы диаспоры не только демонстрировали и популяризовали свои культурные символы, ценности и образ жизни, но и перенимали нормы и правила жизни коренного населения, что способствовало бы формированию общероссийской идентичности и скорейшей интеграции мигрантов в общероссийский социум [10]. Однако такого рода усилий со стороны диаспор не наблюдается. Соответственно, в части сложившихся односторонних форм культурного обмена диаспорные социальные институты проявляют признаки дисфункций, состоящие в поддержании антиинтеграционных установок и повышении уровня межнациональной конфликтности.

Вместе с тем нежелание полноценно интегрироваться в российское общество, незнание государственного языка и законов нашей страны до недавнего времени не мешало выходцам из ближнего зарубежья, используя несовершенство законов (в частности, непроработанность механизма признания соотечественником) и опираясь на поддержку диаспор, получать российское гражданство, которое открывает возможности для активного участия в политической жизни страны. Электорат представителей диаспор, выдвигающих свои кандидатуры на выборные должности в муниципальные и государственные органы власти, за последние годы вырос в разы, что с учетом отказа от интеграции дает основания для беспокойства. Как писал Воронов А. М., мигрантские сообщества «видят нашу страну ... объектом завоевания» и представляют собой угрозу национальной безопасности [2].

Воздерживаясь от согласия или критики подобных заявлений, обратимся к характерным социально-политическим практикам диаспор. В числе таковых исследователи указывают:

1) Лоббирование интересов страны-донора [3; 11]. Косвенным подтверждением данного тезиса может служить недавнее обострение отношений с Азербайджаном по причине арестов нескольких лидеров азербайджанских диаспор в РФ и последующих резких заявлений в адрес нашей страны со стороны президента Ильхама Алиева, при том, что арестованные по подозрению в совершении уголовного преступления лица являются гражданами России, а жертвой расследуемого преступления стал этнический азербайджанец.

2) Лоббирование интересов своей этнической группы, зачастую в ущерб интересам коренного населения. В качестве примера можно привести заявление депутата думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югра о том, что данный регион является «исторической родиной» узбеков¹. Несмотря на то, что в дальнейшем депутат принес извинения, пояснив, что ничего не утверждал, а лишь высказал предположение, подобные заявления от представителей власти не допустимы,

¹ Депутатов взволновали ханы // Коммерсантъ. 02.06.2025 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7774852>; «Узбеки едут к себе», – российский депутат нашел узбекские земли в России // UPL.UZ. 30-05-2025 <https://upl.uz/policy/52362-news.html> (Дата обращения: 4.10. 2025).

поскольку создают предпосылки для запуска «окна Овертона». Со временем такие псевдоисторические «предположения» могут быть восприняты представителями растущей диаспоры как данность и стать основой для претензий на национально-территориальное самоопределение, а соответственно создают в перспективе угрозу территориальной целостности России.

Примером политической активности другого рода, но также свидетельствующей о склонности лидеров диаспор откровенно пренебрегать интересами принимающего сообщества являются высказывания лидера таджикской диаспоры Свердловской области против тестирования детей мигрантов на знание русского языка, мотивированные тем, что «дети ни в чем не виноваты» и что наличие в классе 2-3 учеников, не знающих русского языка, якобы не отражается на знаниях других учащихся¹.

Кроме того, эксперты указывают на то, что для диаспор характерно лоббирование интересов этнобизнеса, стремление к получению особых гарантий и льгот для своей этнической общности, что по сути является нарушением принципа правового равенства и дискриминирует титульное население России [9].

Крайней степенью проявления иноэтнического лобби является борьба за признание правил, свойственных их традиционной культуре, на уровне законов страны пребывания [3], а также претензии членов диаспор к местному населению по поводу несоответствия внешнего облика и поведения последних нормам, принятым в стране исхода.

3) Ряду диаспор свойственно также, получая все возможные льготы от принимающего государства, одновременно выступать в качестве оппозиции правящему режиму. При этом все доступные каналы коммуникации используются для критики внешней и внутренней политики России и распространения не соответствующего действительности мнения о повсеместном нарушении прав человека в нашей стране и низком уровне жизни.

Другим излюбленным симулякром для многих диаспор в последнее время становится нарратив «народа-жертвы, много десятилетий или даже веков страдавшего от российского угнетения», чему сопутствует стремление к «восстановлению справедливости». Об опасности распространения такого рода далеких от исторической правды концептов еще в 1996 г. в связи с проблемой культивирования обид в умах жителей соседней страны писал Ж. Т. Тощенко: «спекуляции на тему об угнетении украинцев в России имеют политическую основу, нацеленную на далеко идущие последствия» [4]. Как это ни прискорбно, цель была достигнута – на Украине взращена когорта людей, видящих своей главной целью уничтожение в своей стране всего, что каким-либо образом связано с Россией. И последствия их политической активности всем известны: государственный переворот 2014 г., геноцид, устроенный киевским режимом на Донбассе, и специальная военная операция, ставшая вынужденным ответом со стороны России. Большие потери с обеих сторон – это прямое следствие внедрения в умы украинцев нарратива жертвы и жажды мщения. Уже одного этого достаточно, чтобы рассматривать любые инсюльции, направленные на порождение обиды и ненависти по отношению к России, как исключительно опасные дисфункции диаспорных социальных институтов.

4) Содействие нелегальной миграции и помощь в «разрешении» проблем с правоохранительными органами в случае совершения членами диаспоры преступлений бесспорно также являются проявлением дисфункциональности. Причем такого рода практики обеспечиваются либо коррупционными связями диаспор с представителями государственной власти, либо путем непосредственного продвижения своих представителей во власть, что позволяет говорить о существовании тенденций к слиянию диаспор с органами власти в некоторых регионах страны [2].

В целом, вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что социальные институты диаспор в России в настоящее время во многом дисфункциональны. Однако, как уже было отмечено ранее, диаспоры существуют не в вакууме и, если в диаспорной среде сложились деструктивные практики, значит политические институты нашей страны, как минимум, не смогли стать препятствием для их закрепления. Исходя из данных соображений, вновь обратимся к российской нормативно-правовой базе.

Начнем с принятой в 2006 г. и реализуемой по настоящее время «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» от 22 июня 2006 г. № 637. Направленная на решение демографической проблемы программа предполагает широкие меры поддержки переселенцев, получающих статус

¹ Босиков А. Лидер мигрантской общины высказался против тестирования детей на знание русского языка // Lenta.ru URL: <https://lenta.ru/news/2025/09/10/lider-migrantskoy-obschiny-vyskazali-protiv-testirovaniya-detey-na-znanie-russkogo-yazyka/> (Дата обращения: 4.10.2025)

соотечественника. При этом в тексте документа говорится о том, что «воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком и не желающие терять связь с Россией соотечественники в наибольшей мере способны к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей принимающего сообщества». В том, что касается трактовки понятия «соотечественник» программа отсылает к федеральному закону от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», каковыми «являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычая, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии». Однако в части механизма признания соотечественником требования к претендентам оказывались существенно уже перечня качеств, приведенных в предлагаемом законом определении. Так для получения соответствующего статуса до 2024 г. достаточно было при подаче заявления доказать наличие в прошлом у претендента или его родственников по прямой восходящей линии гражданства СССР. Только с января 2024 г. иностранные граждане (за рядом исключений), претендующие на получение статуса участника программы, должны предъявлять документ, подтверждающий владение русским языком «на уровне, достаточном для общения в устной и письменной форме в условиях языковой среды».

Данные мониторинга по количеству проведенных собеседований на уровень владения русским языком и их результатам¹ показывают, что на данный момент получают сертификаты менее половины претендентов. Соответственно, ранее значительную долю переселенцев составляли лица, не только не являющиеся носителями российской культуры и хранителями общих традиций, но даже не понимающие по-русски и, что еще важнее, не считавшие нужным учить государственный язык нашей страны. Надо ли говорить, что ни о какой самостоятельной интеграции и включении таких переселенцев «в систему позитивных социальных связей принимающего сообщества» не могло быть и речи?

При этом программа переселения сосредоточена на оказании участникам финансовой поддержки, обеспечении их жильем, социальной и медицинской помощью, решении вопросов трудоустройства. Меры по социокультурной адаптации мигрантов данной программой не были предусмотрены.

Соответственно, обеспечить чувство социальной принадлежности и комфорта не говорящему по-русски, далекому от российской культуры мигранту могли только диаспоры, которые отнюдь не стремились содействовать его интеграции и социокультурной адаптации в российском обществе. И причина антиинтеграционных установок, по-видимому, не столько в том, что, как пишет Д. С. Гулина, «сама сущность диаспоры противоречит задаче культурной адаптации мигрантов в принимающем обществе» [8], сколько в противопоставлении «мы» и «они». О наличии такого противопоставления косвенным образом говорят результаты опроса, показавшего крайне низкий процент мигрантов, допускающих возможность браков своих земляков с представителями коренного населения России [6]. Наличием антагонистических установок, вероятно, объясняется и нежелание интегрироваться: учить язык, приобщаться к культуре. Вместе с тем, как свидетельствуют данные научных исследований, общероссийская гражданская идентичность может и бесконфликтно сочетаться с этнической [12]. Следовательно, проблема заключается в противодействии со стороны диаспорной социальной среды, которое в лучшем случае заключается в сосредоточении на сохранении собственной культуры и идентичности, и воссоздании родины в миниатюре, а в худшем – включает распространение упоминавшихся ранее деструктивных нарративов.

Решением проблемы мог бы стать должный контроль за деятельностью диаспор со стороны государства. Однако, как по нашим наблюдениям, так и по данным научной периодики, отношения между органами власти и диаспорами в нашей стране до недавнего времени строились согласно утверждавшемуся принципу о невмешательстве государства в дела гражданского общества. Диаспоры рассматривались как часть последнего. Контроль за их деятельностью практически не осуществлялся. Одним из аргументов в пользу данной точки зрения может служить волна уголовных дел, заведенных в текущем году в отношении лидеров диаспор, которые, как оказалось, много лет вели в России незаконный бизнес, совершали преступления против личности и общественной безопасности, но оставались вне поля зрения силовых структур.

¹ Мониторинг Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. URL: https://mvd.ru/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring (Дата обращения: 2.10.2025)

Сложилась парадоксальная ситуация: наделенные множеством прав, диаспоры фактически были освобождены от какой-либо ответственности. Достаточно было прописать в уставе национально-культурной автономии (НКА), что целью их организации является сохранение этнокультурного многообразия и укрепление общегражданской (российской) идентичности населения и получать финансирование и иные формы поддержки от государства. Полного соответствия результатов деятельности НКА заявленной цели в дальнейшем, по-видимому, не требовалось.

Собственно, в тексте Федерального закона от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» речь идет исключительно о правах НКА и об обязанностях федеральных органов исполнительной власти оказывать данным организациям всестороннее содействие.

Формально данный правовой казус можно объяснить существованием другого закона, а именно Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», поскольку НКА попадают в данную категорию субъектов права. В данном законе есть статья 38 о надзоре и контроле за деятельностью общественных организаций, в которой перечислены полномочия контролирующего органа: запрашивать распорядительные документы, направлять своих представителей на проводимые мероприятия и не чаще одного раза в год проводить проверку деятельности объединения на предмет соответствия уставным целям. Судя по результатам исследования, для успешного прохождения таких проверок проведения этнических праздников и курсов по изучению родного языка было достаточно, при том, что такого рода мероприятия можно считать решением задачи лишь по сохранению этнокультурного многообразия, но никак не укреплению общегражданской идентичности.

Как видно, российское государство пыталось выстраивать отношения на доверии, в итоге получило этнические анклавы, живущие по своим законам и действующие вразрез с интересами населения и национальной безопасности России. Причем полученный результат закономерен, поскольку, как справедливо замечено в работе А. А. Иванова, «структуры гражданского общества не должны подменять собой государство – в возможных попытках осуществления подобной подмены кроется их опасность» [13]. Недостаточность контроля приводит к появлению регуляторного вакуума, который неизбежно заполняется криминальными и полукриминальными схемами и влиянием иностранных государств, прежде всего стран исхода, но, возможно, не только их. Соответственно, для преодоления дисфункциональности диаспорных социальных институтов в первую очередь необходимы изменения в нормативно-правовой базе, касающейся контроля за деятельностью национально-культурных автономий и других создаваемых диаспорами общественных организаций, а также строгое следование принципам, заявленным в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы:

- приоритет интересов Российской Федерации и российских граждан, постоянно проживающих на ее территории;

- участие институтов гражданского общества в реализации миграционной политики при соблюдении принципа невмешательства в деятельность ... органов государственной власти (именно так, а не зеркальным образом (примечание автора));

- содействие въезду в Российскую Федерацию и пребыванию на ее территории иностранных граждан, желающих развивать экономические, деловые, профессиональные, научные, культурные и иные связи, изучать язык, историю и культуру нашей страны, способных благодаря своей трудовой деятельности, знаниям и компетенциям содействовать экономическому, социальному и культурному развитию России.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что социальные институты диаспор в России на современном этапе обнаруживают признаки глубокой дисфункциональности, проявляющейся в антиинтеграционных установках, противопоставлении своей группы принимающему сообществу и распространении деструктивных нарративов о России и ее коренном населении, лоббировании интересов стран-доноров и представителей диаспор в ущерб национальным интересам России и ее титульных этносов, ведении нелегального бизнеса, содействии незаконной миграции и в иных формах пренебрежительного отношения к законам и обычаям нашей страны. Корень проблемы, вероятно, кроется в том положении, которое в настоящее время занимают диаспоры в системе политических институтов страны – в том, что при наличии широкого перечня прав этнические организации долгое время оставались практически неподконтрольными органам государственной власти. Соответственно, решение проблемы видится в усовершенствовании контроля за их деятельностью,

а также механизмов привлечения к ответственности за осуществление деструктивных социальных практик с целью замещения дисфункциональных политических институтов на конструктивные с точки зрения удовлетворения интересов не только диаспор, но также, причем в первую очередь, интересов принимающего сообщества и государства.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что речь идет именно об институтах как комплексах ценностных ориентаций, поведенческих моделей и стратегий. Несмотря на то, что существование данных институтов обеспечивается их реализацией в социальных практиках членов диаспор, было бы серьезным заблуждением считать, что существование институциональных дисфункций означает, что в них вовлечены все представители иноэтнических групп.

Необходимо помнить, что среди проживающих в России людей, этнически связанных с другими государствами, немало тех, кто уважает законы нашей страны, позитивно настроен по отношению к коренному населению и российской культуре, готов интегрироваться в общероссийский социум, честно трудиться, повышая благосостояние своих семей и выплачивая налоги в бюджет нашего государства. Этнические таджики, узбеки, украинцы, армяне и представители других этносов есть и среди участников СВО, в рамках которой они защищают интересы многонационального народа России. Поэтому выводы, сделанные в данной статье, ни в коем случае нельзя рассматривать как характеристику какого бы то ни было этноса или как универсализированный образ мигранта. Более того, не все диаспорные группы выстраивают взаимодействие с принимающим сообществом по описанным здесь дисфункциональными шаблонам. Поэтому меры должны быть направлены не против диаспорных сообществ как таковых, а исключительно на пресечение деструктивных социальных практик и искоренение институциональных дисфункций, что в итоге послужит интересам всех законопослушных российских граждан, а также позитивно настроенных гостей и деловых партнеров нашей страны вне зависимости от этнической принадлежности.

Список источников

1. Чикарова Г. И. Диаспоры Ростовской области как субъект гармонизации межэтнических отношений // Caucasian Science Bridge. 2019. Том 3. № 2. С. 38–44.
2. Воронов А. М. Диаспоры как угроза национальной безопасности современной России // Транспортное право и безопасность. 2025. № 1 (53). С. 118–126.
3. Аносова Т. Ф., Кирилюк С. С. Диаспора – оптимальная форма адаптации мигрантов // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. №1(4). С. 60–68. EDN: NXXGCH
4. Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33–42. EDN: RAOHTR
5. Тощенко Ж. Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция: этносоциологические очерки. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. 214 с.
6. Полоскова Т. В. Современные диаспоры: внутриполитические и международные аспекты. М.: «Научная книга», 2002, 284 с.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко; науч. ред. Б. З. Мильнер. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
8. Гулина Д. С. Роль национальных диаспор в управлении миграционными процессами в Российской Федерации. Автограф. ... канд. социол. наук. М., 2023. 27 с.
9. Лубский А. В., Сериков А. В., Терещенко А. А. Функциональная роль диаспор и потенциал интеграции мигрантов (на примере Ростовской области) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №11. С. 49–54.
10. Дмитриев А. В., Воронов В. В., Михайлова Е. А. Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 97–124.
11. Мухин А. Диаспоры и землячество: вопросы влияния. Москва: Алгоритм. 2005. 204 с.
12. Бедрик А. В., Войтенко В. П. Структура и факторы формирования диаспорных идентичностей на Юге России (опыт case-study исследования) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2023. Вып. 4 (329). С. 64–72.
13. Иванов А. А. Правовая культура, диаспоры и проблема обеспечения национальной безопасности // Теология. Философия. Право. 2024. № 1 (21). С. 41–51.

References

1. Chikarova G.I. Diasporas of Rostov region as a subject of harmonization of interethnic relations. *Caucasian Science Bridge*. 2019;3(2):38–44. (In Russ.)
2. Voronov A.M. Diasporas as a threat to national security of modern Russia. *Transport Law and Safety*. 2025;1(53):118–126. (In Russ.)
3. Anosova T.F., Kirilyuk S.S. Diaspora as an optimal form of migrant adaptation. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2005;1(4):60–68. (In Russ.)
4. Toshchenko Zh.T., Chapykova T.I. Diaspora as an object of sociological research. *Sociological Studies*. 1996;(12):33–42. (In Russ.)
5. Toshchenko Zh.T. *Post-soviet space: sovereigntization and integration: ethnoscioiological essays*. Moscow: Russian State University for the Humanities; 1997. 214 p. (In Russ.)
6. Poloskova T.V. *Modern diasporas: domestic and international aspects*. Moscow: Nauchnaya kniga; 2002. 284 p. (In Russ.)
7. North D. C. *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow: Nachala Publishing House; 1997. 180 p. (In Russ.)
8. Gulina D.S. *The Role of national diasporas in managing migration processes in the russian federation*. Abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences. Moscow; 2023. 27 p. (In Russ.)
9. Lubskiy A.V., Serikov A.V., Tereshchenko A.A. The functional role of diasporas and the integration potential of migrants (on the Example of the Rostov region). *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2016;(11):49–54. (In Russ.)
10. Dmitriev A.V., Voronov V.V., Mikhailova E.A. Predictive modeling of interethnic relations in Russian regions based on the analysis of identification strategies of diaspora and fellow countrymen groups. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017;(6):97–124. (In Russ.)
11. Mukhin A. Diasporas and landsmanschaften: issues of influence. Moscow: Algoritm; 2005. 204 p. (In Russ.)
12. Bedrik A.V., Vojtenko V.P. Structure and factors of diaspora identities formation in the South of Russia (A Case-Study Experience). *Bulletin of the Adyghe State University. Series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Culturology"*. 2023;4(329):64–72. (In Russ.)
13. Ivanov A.A. Legal culture, diasporas and the problem of ensuring national security. *Theology Philosophy Law*. 2024;1(21):41–51. (In Russ.)

Информация об авторах

В. Г. Громакова – кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной конфликтологии и медиации, Южный федеральный университет.

С. А. Дюжиков – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной конфликтологии и медиации, Южный федеральный университет.

Information about the author

V. G. Gromakova – Cand. Sci. (Biology), Associate Professor of the Department of Applied Conflictology and Mediation, Southern Federal University.

S. A. Dyuzhikov – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Applied Conflictology and Mediation, Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 05.10.2025; одобрена после рецензирования 11.11.2025; принятая к публикации 13.11.2025.

The article was submitted 05.10.2025; approved after reviewing 11.11.2025; accepted for publication 13.11.2025.